

Баба-яга и Настенька

Основано на издании 1894 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/baba_yaga_i_nastenka/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Баба-яга и Настенька

Жили-были в одном селе купец с женой да с дочкой Настенькой. Уж не наглядятся отец с матерью на дитятко своё, не нарадуются. Берегут девочку пуще глаза, чтобы ветром холодным её не обдуло, чтобы солнышком горячим не опалило. Жили они так в любви, согласии да хорошем достатке. Добрые люди житью их радуются, а злые завидуют.

Пуще всех зависть соседскую вдову одолевала. Женщина она была видная, красивая: статная, высокая, лицом белая, румянец на щеках горит, брови чёрные, соболиные. Только злость её изнутри снедала, потому от красоты её никому никакой радости не было. Вдова та одна двух дочек растила, и уж так устала она без мужа жить, что задумала купчиху извести, а потом самой за купца замуж выйти.

Вот собралась как-то злая баба да пошла в дремучий лес к дальней родственнице – Бабе-яге. Рассказала она колдунье о своей задумке, получила от неё благословение. Дала ей ведьма два яблока, да не простых, а заколдованных. Первое яблоко наказала купчихе дать – как съест она его, сразу в корову превратится. А вторым яблоком велела купца угостить, чтобы к себе приворожить.

Вернулась вдова домой, тотчас пошла к соседке да позвала её в рощу свежим воздухом подышать. Взяла купчиха с собой дочку, и отправились они втроем на прогулку. Как увидела Настенька цветочки алые да лазоревые, принялась их рвать, в венки заплетать. Деревце за деревце, кустик за кустик – так сама и не заметила, как от родимой матушки отстала. А купчиха от жары совсем притомилась, захотелось ей водицы испить. Подвела её тогда вдова к глубокому пруду да говорит:

— Можно из этого пруда напиться, да вода в нём плохая, застоялая. Лучше скушай вот яблочко, спелое да сочное.

Только надкусила купчиха тот плод заколдованный, как вмиг в корову Бурёнушку превратилась. А вдова давай кричать, народ на помощь звать:

— Ой, люди добрые! Соседушка моя на крутом берегу оступилась да в пруд свалилась!

Прибежал купец, и крестьяне подоспели, стали они баграми по дну шарить, неводы в воду закидывать. Только не нашли купчихи, как ни старались, так и разошлись ни с чем. Остались на берегу лишь отец с дочкой. Уж они звали, кричали, плакали да рыдали, а всё без толку, слезами горю не поможешь. Отправились купец с Настенькой домой, а Бурёнушка от них ни на шаг не отстаёт. Идёт рядышком, в лица родные заглядывает, а слёзы из её глаз такие горькие капаят, словно человек плачет. Так и добрались они все вместе до подворья купеческого.

— Та не знаешь, чья это корова? – спрашивает отец у дочери. – Надобно её обратно в лес отвести.

А Бурёнушка стоит рядом, в глаза смотрит жалобно, будто умоляет не гнать её со двора. Стала Настенька отца просить-молить, чтобы оставил он корову, коли она сама к ним прибилась.

— Ну, хорошо, – говорит купец, – пусть поживёт у нас, покуда её хозяин не сыщется.

Только никто за коровой той так и не пришёл, осталась она на купеческом подворье жить. На следующий день вдова соседская к ним наведалься, угостила купца заколдованным яблочком. Съел Настенькин отец тот плод приворотный да вспылал к соседке такой любовью страстной, что задумал в жёны её взять. Через год сыграли они свадьбу, и переехала вдова с дочками своими в дом к новому мужу.

Ох, и тяжелые тут времена настали для купеческой дочери. День и ночь мачеха ворчит – как у неё только язык не заболит? Всё не по ней, всё невпопад падчерица делает: не так сидит, не так лежит, не так ходит. У родимой-то матушки Настенька как сыр в масле каталась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Только отец, приворотным яблоком одурманенный, ничего, что вокруг происходит, не замечает, живёт, словно во сне. Вроде бы и рядом он, а душа его где-то далеко-далеко. Что же делать? Как всё это вытерпеть? Ветер-то хоть пошумит да затихнет, а злая баба разойдётся – не скоро уймётся, всё равно будет придумывать, обо что бы зубы свои почесать. Чужие люди купеческую дочку любили да жалели, а мачеха с сёстрами ее красоте завидовали, работой непосильной изводили, чтобы от трудов тяжких девушка похудела, а от солнца палящего почернела. Только как ни старались они Настеньку со свету сжить, ничего у них не получалось. Сами они от злости худели да дурнели, а купеческая дочка день ото дня хорошела, словно пышный цветок распускалась, на всю округу первой красавицей да первой рукодельницей слыла. Злится мачеха день ото дня всё больше да больше, а того не знает, что падчерице её Бурёнушка помогает.

Однажды придралась мачеха из-за какого-то пустяка к Настеньке да выгнала её поздним вечером зимой в лютый мороз из дому: ночуй, где хочешь! Сидит бедняжка в сенях – не знает, где голову приклонить. Подумала она, подумала да решила в коровник пойти погреться. Пришла в хлев, прижалась к своей любимице, обхватила её за шею, стоит, горькими слезами обливается. Вдруг в самую полночь говорит ей Бурёнушка человеческим голосом:

— Не плачь, мое дитятко, не горюй! Знаю я твою беду, обязательно тебе помогу. Ведь я твоя родная матушка: превратила меня в корову злая разлучница, а отца твоего приворотным яблоком околдовала. Говорить с тобой человеческим голосом можно

мне только три минуточки один раз в году – в нынешнюю ночь. Слушай скорее: как побьёт тебя злая мачеха или тяжкой работой замучает, приходи сразу ко мне, в одно моё ушко влезь, а в другое вылезь, и всё горе твое как рукой снимет, ещё больше похорошеешь. А с любой работой непосильной справиться я тебе помогу.

Так и стала Настенька делать. Как обидит её злая мачеха, прокрадётся падчерица в хлев к своей коровке, припадет к её шейке да и выплачет своё горе:

— Бурёнушка моя, матушка! Бьют меня, ругают, еды вдоволь не дают, плакать не велют! Назавтра приказала мачеха пять пудов льна напрядь, наткать, полотно выбелить да в рулоны скатать.

Потом влезет Настенька коровке в одно ушко, в другое вылезет – горя как не было, да вся работа сделана: и напрядено, и наткано, полотно побелено да в рулоны скатано. Поглядит мачеха на ткань готовую, побряхтит, поворчит, спрячет в сундук своим дочерям на приданое, а падчерице ещё больше работы задаст.

Время идёт да идёт, а Настя всё цветёт да цветёт, час от часу хорошеет. Все женихи только к ней сватаются, а на мачехиных дочерей никто даже смотреть не желает. Пуще прежнего злая баба злится, всем добрым молодцам одно и то же отвечает:

— Не выдам я падчерицу замуж раньше собственных дочек!

Женихов выпроводит, а потом побоями зло на Настеньке вымещает. Вот ещё год прошёл, бьётся она, бьётся с купеческой дочкой, а ту ничто не берёт. Пошла тогда мачеха к Бабе-яге в дремучий лес за советом: как бы девчонку ненавистную извести, да чтоб наверняка. Говорит ей лесная ведьма:

— Ничего ты с ней не поделаешь, пока у вас на подворье Бурёнка живет, ведь она её мать! Прикажи корову ту зарезать, а падчерицу потом отправь ко мне по какому-нибудь делу. Я уж с ней по-своему разберусь.

Как вернулась злая баба домой, начала к мужу приставать.

— Вели, – говорит, – корову зарезать. Она всю ночь мычит, нам с дочками спать мешает, молока не даёт да всё боднуть норовит. Только даром рогатую кормим!

Услышала это Настенька, испугалась, стала отца просить, чтобы не слушал он жену свою, не велел Бурёнушку резать. А мачеха про то прознала да как накинется на падчерицу с кулаками:

— Ах, ты такая-сякая, хочешь меня с мужем поссорить?!

Избила она девушку да из дома выгнала. А купцу что воля, что неволя – всё едино. Велел он мяснику на следующий день прийти да корову зарезать. Побежала тогда Настенька к своей Бурёнушке, к шее её припала, плачет горькими слезами да приговаривает:

— Матушка моя родимая! Нет конца мачехиной злобе: приказала она тебя зарезать.

Убьют тебя завтра! На кого же я, горемычная, останусь?

А как раз та ночь настала, когда коровушка говорить человеческим голосом могла. Отвечает она доченьке:

— Не плачь, дитятко моё милое, слезами горю не поможешь. Видно, так мне на роду написано. Не то беда, что убьют меня, а то горе, что помогать тебе не смогу, как прежде. Но всё равно не оставлю я тебя без материнской заботы. Как зарежут меня, попроси мясника, чтобы отрубил он мой правый рог. Береги его, всегда при себе носи да никому не показывай. Если приключится с тобой какая беда, приложи рог к уху да слушай. Он тебе расскажет, что делать.

Наутро зарезали Бурёнушку, а Настенька попросила мясника ей правый рог отдать на память о любимой коровушке. Стала девушка дальше жить-поживать, в печали да заботах. Вот уехал как-то раз купец по своим торговым делам, а мачеха раздала всем трём девушкам задания: старшей дочери велела кружева плести, младшей – чулки вязать, а падчерице – пряжу прясть. Погасила огонь во всем доме, оставила только одну свечку в той горнице, где рукодельницы работали, а сама спать легла. Вдруг свечка затрещала да начала гаснуть. Кинулись девушки её поправлять да вовсе затушили.

— Что же нам теперь делать? – спрашивает Настенька.

— Пойду маменьку разбужу да спрошу, где можно новую свечку взять, – молвила старшая сестрица.

Пришла она к матери, рассказала, что случилась, а та велела её сводную сестру к Бабе-яге в дремучий лес выпроводить. Вернулась девушка и говорит:

— Мне от кружев светло, я и так справлюсь.

— А мне от спиц светло, – вторит ей младшая.

— Значит, тебе за огнём идти! – закричали обе Настеньке.

— Да где же я его возьму? – спрашивает сводная сестрица.

— Ступай к Бабе-яге в дремучий лес! – ответили девушки и вытолкали бедняжку из горницы.

Забилась падчерица в чуланчик, стала думу горькую думать:

— Эх, чем мне муки такие каждый день терпеть, пойду я лучше к Бабе-яге, всё равно один конец.

Вынула она Бурёнушкин рог из-за пазухи, приложила его к уху и услышала тихий голос:

— Не бойся, Настенька, доченька моя милая! Ступай, куда сёстры посылают, ничего дурного с тобой не случится! Только рог взять с собой не забудь да почаще его слушай.

Спрятала девушка рог за пазуху, перекрестилась да отправилась в дремучий лес.

Всю ночь она шла, не останавливаясь, а как рассвет забрезжил, оказалась на большой поляне и увидела перед собой избушку на куриных ножках да на петушиных шпорах. Вокруг избушки той забор из человеческих костей, весь черепами утыкан, а из глазниц свет такой яркий льётся, что на поляне светло, словно днём. Вместо дверей на воротах ноги, вместо засовов руки, вместо замка рот с острыми зубами. А за забором собачка бегают, побрёхивают. Обомлела Настенька, прижалась к дереву, шевельнуться от страха не может. Вдруг проскакал через поляну всадник: сам белый, одет во всё белое, конь под ним белый и сбруя на коне белая. Только он из виду скрылся, стало рассветать, месяц за гору зашел, у черепов глаза начали гаснуть. Спряталась Настенька под кустом, даже вздохнуть боится. Через несколько минут промчался другой всадник: сам красный, одет во всё красное, конь под ним красный и сбруя на коне красная. Как исчез он, стало солнце всходить. А девушка затаилась, пошевелиться не смеет, не знает, что ей делать. Вынула она из-за пазухи Бурёнушкин рог, приложила его к уху и услышала матушкин голос:

— Сейчас вернётся Баба-яга с охоты. Ты с ней поздоровайся да делай всё, что она прикажет. А если кто будет у тебя просить что-нибудь, никому не отказывай.

Вдруг в лесу что-то страшно завывало, загудело, застучало, поднялся вихрь, деревья к земле наклонились, застонала мать сырая земля. И тут же оказалась на поляне Баба-яга, костяная нога. Сама в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала она к воротам, остановилась, огляделась кругом, повела носом:

— Фу-фу-фу! – говорит. – Чую, человеческим духом пахнет! Кто здесь есть? А ну, отзовись!

Выбралась девушка из своего укрытия, подошла к старухе, низко ей поклонилась:

— Здравствуй, бабушка! Это я – Настенька. Меня мачехины дочери прислали огонька у тебя попросить!

— Наконец-то ты ко мне в гости пожаловала! – отвечает Баба-яга. – Ну, заходи в дом, поработай на меня. Коли угодишь, будет тебе огонь, а коли нет – найду и для твоей головы на заборе свободный кол!

Потом обернулась старуха к воротам да крикнула:

— Эй, засовы мои крепкие, отомкнитесь! Ворота мои широкие, отворитесь!

Отомкнулись засовы, отворились ворота, въехала Баба-яга во двор, а за ней Настенька потихоньку вошла, и снова за ними ворота затворились, засовы замкнулись. Только вылезла старуха, ступа сразу сама в сарай поехала. Вошла Баба-яга в горницу, развалилась на постели да говорит гостье:

— Подавай-ка на стол кушанья из печи да припасы из погреба неси! Уж больно я есть хочу!

Стала Настенька блюда из печи доставать да на стол подавать. А настряпано-то словно на десять человек: и цыплёнок, и телёнок, ягнёнок, и поросёнок. Потом принесла девушка из погреба квас, мёд, вино да пиво. Всё мясо Баба-яга вместе с костями съела, все напитки до последней капельки выпила. Оставила старуха Настеньке одно лишь пороссячье рёбрышко, да и то обглоданное.

— Ну, – говорит, – теперь я до вечера спать буду, а ты не бездельничай: состряпай мне на ужин столько же еды, сколько было на завтрак приготовлено. Потом отправлюсь я на охоту, а тебе дам другое задание.

Повернулась ведьма на бок да так захрапела, что с деревьев листва посыпалась. Вышла Настенька на крыльцо, села на ступеньку, только хотела рёбрышко съесть, как подходит к ней старый облезлый кот и говорит человеческим голосом:

— Мяу-мяу-мяу, девица красная! Дай мне, пожалуйста, то, чем тебя Баба-яга попотчевала! Я тебе пригожусь!

Вспомнила Настенька, что Бурёнушкин рог велел никому не отказывать, да отдала коту рёбрышко, а сама голодная осталась. Встала потом с крылечка, стала по двору ходить, хозяйство Бабы-яги осматривать. А у старухи-то все амбары, все погреба, все закрома полным-полны припасов, полк солдат накормить можно! Взяла девушка всё, что нужно, да принялась ужин для старухи готовить. Вдруг выбежали из подпола мышки и пищат:

— Пи-пи-пи, девица красная! Дай нам, пожалуйста, каши! Мы тебе ещё пригодимся!

Дала им Настенька каши да стряпать продолжила. Как управилась, села под окошко отдохнуть. Подошла к ней собачка чёрная, что двор сторожит. Сама старая, худая – кожа да кости! Села она рядышком и говорит:

— Тяф-тяф-тяф, девица красная! Дай мне, пожалуйста, кусочек мяса! Я тебе пригожусь!

Дала девушка собачке кусочек мяса, а потом пошла посмотреть, что там за забором происходит. Только подошла к воротам, как они заскрежетали и говорят человеческим голосом:

— Скрип-скрип-скрип, девица красная! Смажь нас, пожалуйста, маслицем! Мы тебе пригодимся!

Только Настенька ворота смазала, как услышала просьбу от яблоньки:

— Девица красная, подвяжи, пожалуйста, мои веточки шёлковой ленточкой из своей косы! Я тебе пригожусь!

Расплела красавица русую косу, подвязала яблоньке веточки шёлковой ленточкой. Вечером проснулась Баба-яга, съела всё, что гостья приготовила, да говорит:

— Полечу я на охоту, а ты делом займись. Есть у меня полный амбар пшеницы, да кто-то со зла в неё земли намешал. Так вот, ты к утру всю пшеницу по зернышку перебери, обдуй, очисти и в другой амбар пересыпь. Да ещё не забудь мне еды на завтрак состряпать столько же, сколько было на ужин приготовлено. А коли не справишься, так я тебя саму съем!

Вдруг промелькнул по двору всадник: сам чёрный, одет во всё чёрное, конь под ним чёрный, сбруя на коне чёрная. Пронёсся он мимо дома да словно сквозь землю провалился, и сразу ночь наступила. Вышла Баба-яга на крыльцо, гаркнула, свистнула, ногой топнула. Тут же подъехала к ней ступа, уселась в неё старуха и в лес дремучий улетела.

Как осталась Настенька одна, пригорюнилась: не знает, за какую работу хвататься. Подошла она к амбару, смотрит на зерно да горько плачет. Вдруг выбегает мышка и спрашивает:

— Что ты, красная девица, кручинишься?

— Да как же мне, мышка, не горевать? – отвечает Настенька. – Приказала мне Баба-яга к утру всю пшеницу из этого амбара по зернышку перебрать, обдуть, от земли очистить и в другой амбар перенести, да ещё завтрак приготовить.

— Не расстраивайся, красавица! Я тебе помогу! Ступай стряпать, а с зерном мы с подружками без тебя управимся.

Набежало тут откуда ни возьмись мышей видимо-невидимо. Стали они пшеницу по зернышку перебирать, обдывать, очищать да в другой амбар перетаскивать. Ещё и рассвет не наступил, как вся работа была выполнена. Так что Настенька и завтрак приготовить успела, и прикорнуть часок.

Промелькнул во дворе белый всадник – стало рассветать, глаза у черепов начали затухать. Потом пронёсся красный всадник – взошло солнце ясное, глаза у черепов, что всю ночь горели, сразу потухли. Тут же затрещали деревья, поднялся вихрь, дрогнула сырая земля и появилась из леса Баба-яга.

— Ну что, девица, всё ли сделать успела? – спрашивает старуха.

— Да, бабушка, все твои задания выполнила.

Кинулась Баба-яга в амбар, глядь, а пшеница вся чистая, зерно к зерну. Заглянула в печь, а там завтрак сытный готов. Раздосадовалась старуха – не за что на гостью браниться!

— Ну, ладно, – думает, – не сегодня, так завтра найду к чему придраться.

Вышла она снова во двор да крикнула зычным голосом:

— Слуги мои верные! Смелите-ка всю пшеницу в муку!

Вдруг откуда ни возьмись появились шесть пар рук, подхватили они пшеницу из ам-

бара да прочь унесли. Подозвала тогда Баба-яга к себе собаку с котом и говорит им:

— Я поем да пойду отдыхать, а вы, дармоеды, не спите, девчонку сторожите, чтобы не сбежала. Да воротам передайте, чтобы засовы не отпирали, а яблоне скажите, чтобы выход охраняла, девчонку со двора не выпускала!

Наелась старуха, напилась, подозвала Настеньку, приказала к вечеру печь растопить, а ужин готовить не велела.

— Что же ты есть будешь, бабушка? – спрашивает девушка.

— Да уж найду, чем поживиться! А ты пока волосы мне расчеши, а то больно уж они запутались.

Села девушка рядом, причёсывает старуху да расспрашивает:

— А скажи мне, бабушка, что это за всадники по двору твоему проносятся: один во всём белом да на белом коне, другой во всём красном да на красном коне, а третий во всём чёрном да на чёрном коне?

— Это белый день, красное солнышко да ночь чёрная – все мои слуги верные! – ответила Баба-яга, улеглась на печь да так захрапела, что с деревьев листья дождём посыпались.

Вышла Настенька на крыльцо, а кот тут как тут. Подбежал к девушке, трётся ей об ноги да говорит:

— Пришла беда, девица красная! Баба-яга потому стряпать не велела, что хочет тебя на ужин съесть!

— Что же мне делать? – испугалась девушка.

– Ты печку топи, да трубу не закрывай, весь жар и выйдет. Пока старуха опять печь калить будет, ты убежать успеешь. Мы бы тебя и сейчас выпустили, только послушаться Бабу-ягу не смеем. Приказала она нам тебя сторожить. Коли не уберёжем – старуха нас вмиг сожрёт!

Послушалась Настенька кота, сделала всё, как он сказал: печку вытопила, а трубу не закрыла. Проснулась Баба-яга, потрогала печь, а она елѣ тёплая. Пока умылась, та совсем остыла.

— Эх ты, белоручка! – рассердилась старуха. – Даже трубу вовремя закрыть не можешь! Ступай в светёлку да садись пока прясть, а я уж сама печку истоплю как следует.

Пошла девушка в светёлку, вынула из-за пазухи Бурёнушкин рог да стала слушать, что он ей скажет. Тут же раздался из рожка матушкин голос:

— Открой, доченька, сундук, что в углу стоит, достань из него полотенце и гребешок, возьми их с собой да беги отсюда прочь! И не забудь череп с забора прихватить! Кинется Баба-яга за тобой в погоню, как начнѣт догонять, кинь позади себя гребѣнку. Не поможет гребѣнка – кинь полотенце. Удачи тебе, дитятко моѣ милое!

Только раскрыла Настенька сундук, а Баба-яга тут как тут. Подошла к окошку и спрашивает:

— Ткёшь ли, внучка, ткёшь ли, милая?

— Тку, бабушка, тку, – отвечает девушка, а у самой от страха зуб на зуб не попадает.

Только ушла старуха, как стал кто-то в дверь царапаться. Отварила Настенька, а там кот. Вбежал он в светёлку и говорит:

— Ну, девица красная, пора тебе бежать! Я Бабу-ягу постараюсь задержать!

Поблагодарила девушка кота, выскочила из светёлки да через двор припустила. Собачка её пропустила, не стала лаять. Яблонька в сторону отклонилась, дорогу не перегородила. Ворота бесшумно отворились, не заскрипели. Схватила Настенька череп с забора вместе с палкой и пустилась бежать без оглядки. А кот сел за прялку, только не прядёт, а всё путает. Подошла Баба-яга к окошку и спрашивает:

— Ткёшь ли, внучка, ткёшь ли, милая?

— Тку, бабушка, тку, – отвечает кот.

Слышит старуха, что голос у девушки какой-то странный, ворвалась в светёлку, а Настеньки и след простыл! Стала она кота бить да бранить:

— Это зачем же ты девчонку из дома выпустил? Почему ты ей глаза не выцарапал?

А кот отвечает:

— Я тебе столько лет верой да правдой служил, крыс да мышей ловил, а ты мне даже сухой корочки не дала! Зато Настенька мне косточку единственную не пожалела!

Кинулась Баба-яга во двор, накинута на собаку:

— Ты почему не лаяла да девчонку не кусала, когда та убегала?

— Я тебе столько лет верой да правдой служила, дом охраняла, а ты мне даже косточки обглоданной не кинула! Зато Настенька меня мясом покормила!

Набросилась Баба-яга на ворота:

— Вы зачем перед девчонкой отворились, почему не скрипели?

— Мы тебе столько лет верой да правдой служили, названным гостям дорогу преграждали, а ты ни разу даже водичкой нас не помыла! Зато Настенька не поленилась, маслицем все петельки смазала!

Накинута старуха тогда на яблоньку:

— Ты зачем девчонку пропустила, почему ветвями ей в волосы не вцепилась?

— Я тебе столько лет служила, яблочками тебя кормила, а ты меня даже ниточкой не подвязала! Зато добрая Настенька мне ленточку из своей косы не пожалела!

Поняла Баба-яга, что все против неё ополчились. Села она тогда в ступу да пустилась за беглянкой в погоню. Толкачом погоняет, помелом след замечает. А Настенька бежит по дремучей чаще, что есть силы. Вокруг ночь непроглядная, везде чудища

страшные мерещатся. Ветки за сарафан цепляются, дорогу загораживают. А она всё бежит да бежит. Вдруг слышит: позади точно буря засвистела, словно гром загрохотал, застонала, задрожала мать сырая земля. Это Баба-яга в ступе несётся, вот-вот догонит! Кинула тогда Настенька позади себя гребешок, и поднялся за её спиной такой густой лес, что даже мыши между деревьев не пробраться. Добралась Баба-яга до этого леса, а дальше никак. Завыла она от злости, начала дорогу себе зубами прогрызать.

А Настенька вперёд всё бежит да бежит, вот уж скоро светать начнёт, а до дома ещё далеко. Вдруг слышит: опять сзади зашумело, засвистело, загудело-загрохотало пуще прежнего, застонала мать сырая земля. Это Баба-яга прогрызла себе дорогу в густом лесу и опять в погоню мчится, вот-вот нагонит! Кинула тогда девушка позади себя полотенце, и разлилось у неё за спиной широкое синее море без конца, без края. Подхватили волны Бабу-ягу да назад на берег вместе со ступой выкинули. Несколько раз так старуха в воду заходила да всё равно на суше оказывалась. Заскрипела ведьма зубами от злости, да ничего не поделаешь: пришлось не солоно хлебавши назад, в свою избушку на куриных ножках да на петушиных шпорах возвращаться.

Добралась Настенька до купеческого подворья, а мачеха со своими дочками уж её на пороге поджидают. Рассказали они девушке, что с той поры, как она в лес отправилась, у них в доме так огня и не было: сами добыть никак не могли, а тот, что от соседей приносили, вмиг гас.

— Авось, хоть твой огонь будет гореть! – говорит злая баба.

Взяла она у падчерицы череп, внесла в горницу, а из глаз его злобный свет льётся, словно жжёт взглядом. Кинулись мачеха с дочками прятаться, только куда они ни бросятся, глаза всюду за ними следят. Так и испепелили их в уголь.

На следующий день вернулся домой Настеньки отец. Не стало мачехи, развеялись колдовские чары. Рассказала девица батюшке, что с ней за время его отсутствия приключилось.

— Это как же я мог не замечать, что вокруг меня происходит! – сокрушается отец. – Прости меня, доченька, за то, что не смог тебя от злой бабы защитить!

— Не держу я зла на тебя, папенька, – отвечает Настенька. – Мне Бурёнушка-матушка обо всём рассказала, и в беде моей всегда помогала.

Стали отец с дочкой вдвоём жить-поживать да добра наживать. А как сыскался добрый жених, выдал купец Настеньку замуж. Закатили они пир на весь мир, а потом жили долго да счастливо.